ФОТОГРАФИЯ ИЗ 2091 ГОДА

Елизавета Чернова

Елизавета Чернова
Фотография из 2091 года

https://litres.ru/74987434
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если в семейном альбоме появляется снимок ещё не родившегося ребёнка? На обороте — 2091 год. После смерти бабушки Лида возвращается домой, но родные молчат, а прошлое семьи обрастает догадками.

Снимок не даёт готового пророчества — он открывает поиск. Лида учится отделять факты от страхов, слышать собственные желания среди ожиданий близких и задавать вопросы, не превращая их в допрос. Но можно ли изменить семейный сценарий, не отвергая тех, кто его передал? И что обещать тому, кто, возможно, однажды родится?

Роман для тех, кто ищет себя в семейной истории, переживает важный выбор или хочет перестать жить по чужим правилам. Это история о честности, бережности и свободе: прошлое не переписать, но будущее не обязано его повторять.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

Содержание

Альбом, который никто не открывал 5
Снимок, которого вчера не было 15
На обороте — 2091 год 27
Лицо ребёнка, которого ещё нет 37
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Елизавета Чернова
Фотография из 2091 года

Фотография из 2091 года

Елизавета Чернова

Альбом, который никто не открывал

Ключ повернулся не с первого раза. Лида нажала на него плечом, и дверь подалась внутрь, впуская запах мокрого дерева, старого чая и холодного камина. В прихожей скрипнула половица — та самая, которую отец обещал починить ещё до её отъезда в университет. Скрип был таким знакомым, что на мгновение Лида решила: она не возвращалась, просто вышла на минуту и снова вошла.

У стены стояли коробки после похорон. На одной отец написал крупно: «Книги», на другой — «Разное». Последняя коробка была без подписи, будто кто-то не смог решить, к какой категории отнести бабушкину жизнь.

— Ты приехала, — сказал отец из кухни.

Не «как добралась», не «устала ли». Просто констатация, за которой пряталось облегчение. Лида сняла пальто и повесила его на старый крючок. Тот выдержал.

На кухне отец и тётя Вера разбирали чашки. Тётя оборачивала каждую в газету, отец складывал стопки в коробку. За окном висел сырой ноябрьский вечер. Капли медленно стекали по стеклу, оставляя за собой кривые дорожки.

— Я привезла список из ритуальной службы, — сказала Лида. — Там нужно подтвердить доставку венков и оплатить

остаток.

— Уже оплатили, — ответил отец.

— Я могу проверить.

— Не надо, Лида. Всё сделано.

Она поставила сумку на стул. Её рука уже потянулась к телефону: проверить, правда ли оплачено, найти чек, узнать, что ещё можно взять на себя. В последние дни она звонила в службы, договаривалась с соседями, заказывала еду, отвечала на сообщения родственников. Умела превращать растерянность в список дел. Пока остальные сидели рядом с пустым креслом бабушки, она выясняла, кому вернуть складной стол.

Так было проще. Ещё в понедельник Лида собиралась ответить на письмо из мастерской, куда её приглашали вести проект в другом городе. Она обещала себе подумать до конца месяца. Потом заболела бабушка. Потом стало не до переезда. Теперь письмо лежало непрочитанным, словно личная жизнь могла подождать, пока всем вокруг станет полегче.

— Я могу закончить с книгами, — сказала она. — Потом разберу шкаф в маленькой комнате.

Тётя Вера посмотрела на неё с благодарностью, но отец покачал головой.

— Завтра. Сегодня уже поздно.

Он произнёс это мягко, однако Лида услышала в слове «завтра» не просьбу отдохнуть, а семейное заклинание. Здесь многое откладывали на завтра. Разговоры, объясне-

ния, вопросы, которые возникали случайно и тут же исчезали за звоном посуды.

— А бабушкины бумаги? — спросила Лида.

— Оставим пока, — сказала тётя Вера.

Отец перестал складывать газету вокруг чашки.

— Там в основном старые счета.

— Я не о счетах.

Тишина продержалась всего секунду, но Лида заметила, как тётя Вера сильнее сжала край газеты.

— Давай не будем сегодня, — сказала она.

Лида хотела спросить: не будем чего? Но уже знала, что вопрос повиснет между ними и станет ещё одной вещью, которую надо будет куда-то убрать. Она промолчала, и это молчание показалось ей не пустым, а занятым. В нём стояли коробки, чашки и люди, которых никто не называл.

В доме было много таких мест. На стене в гостиной висела фотография, сдвинутая на несколько сантиметров, будто её недавно снимали и повесили обратно. На книжной полке оставалось свободное место между альбомами. А в разговоре иногда возникало «он», после которого отец начинал спрашивать, не заварить ли чай.

Лида заметила, как от одного этого местоимения у неё напряглись плечи. Ей захотелось рассмеяться, разозлиться и выйти на улицу одновременно. Она не стала выбирать между чувствами и не стала объяснять себе, почему они возникли. Просто назвала их про себя: тревога, любопытство, уста-

лость. Это не было ответом, но впервые за долгое время Лида не бросилась немедленно что-нибудь исправлять.

Если вы сами замечаете, что в разговоре обходите какую-то тему, можно на мгновение задержаться не на истории, а на собственной реакции. Где отзывается молчание: в горле, в животе, в напряжённых ладонях? Не нужно сразу заставлять себя спрашивать или делать выводы. Иногда первый шаг — понять, что именно вы привыкли не замечать.

Она пошла в маленькую комнату за коробкой с бумагами. Здесь пахло высохшими яблоками и пылью. У окна стоял низкий шкаф, которым бабушка пользовалась для постельного белья. Лида отодвинула стопку простыней, заглянула за корзину с пуговицами и увидела тёмный прямоугольник.

Альбом лежал на боку, завёрнутый в старую наволочку. Он оказался тяжёлым, когда Лида вытащила его двумя руками. Обложка была тёмно-зелёной, тканевой, с потёртыми углами. На месте застёжки сохранились две тесёмки, но они не были завязаны. Пыль забилась в переплёт так густо, что тот казался серым.

Лида помнила этот альбом с детства. Не его содержимое, а саму вещь: бабушка убирала его на верхнюю полку, отец всякий раз говорил, что туда не надо лезть, а тётя Вера однажды быстро закрыла дверцу шкафа, увидев, что Лида тянется к нему. Тогда Лида решила, что внутри семейные фотографии, которые взрослые не хотят показывать детям. Через годы эта догадка перестала казаться достаточной, но другой

не появилось.

Она не раскрыла альбом. Просто постояла с ним в руках и почувствовала, как тяжесть переходит в предплечья. Снизу на полке белел прямоугольник чистой древесины, след от книги или коробки, которую долго держали на одном месте. Альбом пролежал здесь столько лет, что шкаф запомнил его форму.

— Что ты нашла? — спросил отец из коридора.

Лида повернулась. Он стоял в дверях и смотрел не на неё, а на обложку.

— Альбом.

Тётя Вера появилась у него за спиной. Лицо у неё стало сосредоточенным, почти деловым.

— Он был здесь?

— За простынями.

— Я думала, бабушка убрала его в шкаф в своей комнате.

— Значит, переложила.

Тётя Вера ответила слишком быстро. Отец потёр большим пальцем край дверной рамы.

— Ты его не открывала? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо.

Лида не знала, что именно в этом ответе было хорошего. Она поставила альбом на полку, но тут же поняла, что не хочет оставлять его там. Не потому, что была готова посмотреть фотографии. Скорее потому, что хотела перестать де-

лать вид, будто не заметила его.

— Можно я положу его на кухонный стол? — спросила она. — И завтра утром открою. Если вы не против.

Тётя Вера посмотрела на отца. Он отвёл взгляд к коридору.

— Это бабушкины вещи, — сказал он. — Теперь, наверное, общие.

— Я не хочу решать за вас, — сказала Лида. — Поэтому и спрашиваю.

Тётя Вера провела ладонью по рукаву.

— Положи. Но не обещай себе, что сразу всё поймёшь.

В этих словах не было запрета. Скорее предупреждение человека, который знал, что чужая история редко складывается в аккуратный рассказ с начала и до конца.

— Не обещаю, — сказала Лида. — Я постараюсь не делать поспешных выводов.

Отец кивнул, будто этого ему было достаточно. Или будто он не знал, что ещё сказать.

Лида отнесла альбом на кухню и положила на середину стола. На столешнице остались светлые круги от чашек, в одном из них лежала крошка хлеба. Альбом занял почти всё свободное место. Тётя Вера молча убрала крошку, а отец унес коробку с чашками в кладовую.

Лида села рядом и достала блокнот. Когда-то она записывала в него планы, сроки и номера телефонов. Последние страницы были исписаны короткими заметками о похоро-

нах. Теперь она открыла чистый разворот и долго держала ручку над бумагой.

Не «что произошло?». Не «кто виноват?». Эти вопросы требовали слишком скорого суда. Она попробовала начать с того, чего боялась больше всего.

Первый вопрос: «Кого в нашей семье нельзя вспоминать?»

Рука замерла на последнем слове. Лида не заметила, что задержала дыхание, пока не почувствовала нехватку воздуха. Она медленно выдохнула и продолжила.

Второй вопрос: «Что случилось, после чего все научились менять тему?»

Третий: «Какая часть моей собственной жизни могла быть построена на том, о чём мне не рассказывали?»

Она перечитала записи. Слова выглядели резкими, почти обвинительными. Лида хотела зачеркнуть третий вопрос, но вместо этого поставила рядом маленький знак вопроса — не как украшение, а как напоминание: пока это только предположение.

В семье молчание считали заботой. Не тревожить бабушку. Не расстраивать отца. Не поднимать старое, если можно посидеть за одним столом и поговорить о погоде. Люди не обязательно выбирали тишину из равнодушия. Часто они пытались уберечь друг друга от боли, которой сами не умели дать имя. Но неразделённая боль не исчезала. Она оставалась в комнате, в закрытой дверце шкафа, в паузе после

слова «он».

Лида знала и другую сторону такого молчания. Когда никто не спрашивает, рана не обязательно заживает. Иногда просто невозможно понять, где именно она находится.

Она закрыла блокнот, но не убрала его. На верхней странице написала ещё одну строку: «Не обязана отвечать на всё сегодня». Потом добавила: «Не обязана считать первое объяснение окончательным». Это была договорённость с собой, а не с семьёй. Утром она откроет альбом, будет смотреть на то, что действительно увидит, и не станет заполнять пробелы догадками.

Отец вернулся на кухню.

— Ты остаёшься ночевать? — спросил он.

— Да.

— Комната бабушки свободна.

— Я лучше в своей.

Он кивнул. Они оба понимали, что это не совсем выбор комнаты. Лида хотела проснуться в месте, которое не требовало от неё быть взрослой дочерью, помощницей и человеком, у которого на всё есть план. Хотя бы на одну ночь.

Тётя Вера уже ушла наверх. Отец выключил свет над плитой и задержался в дверях.

— Завтра посмотришь, — сказал он.

— Да.

— Только не жди, что там будет объяснение всему.

— Не жду.

Он будто хотел сказать что-то ещё, но снова выбрал молчание. Потом ушёл в гостиную. Лида собрала блокнот и ручку, накрыла альбом чистым полотенцем, чтобы на него не оседала новая пыль, и перенесла в комнату бабушки. Там у окна стоял маленький письменный стол. Она положила альбом на него и сняла полотенце.

Пыль лежала на обложке ровным серым слоем. Лида нашла в ящике мягкую ткань и осторожно провела ею по корешку. Под пальцами проступил тёмно-зелёный цвет. На секунду показалось, что ткань обложки теплеет от прикосновения, но это была лишь ладонь, уставшая от холода.

Из кухни донеслись голоса. Отец и тётя Вера говорили негромко, полагая, что Лида уже ушла наверх. Она не собиралась подслушивать, но услышала своё имя.

— Она нашла альбом, — сказала тётя Вера.

— Я знаю.

— Ей надо сказать про него.

Отец ответил не сразу.

— Не сегодня. Она только приехала.

— А если она откроет?

Звякнула ложка о край чашки.

— Тогда мы уже не сможем делать вид, что его не было.

Лида остановила руку. На ткани осталась полоса чистой обложки, рядом — полоса серой пыли. Она не пошла на кухню. Не позвала отца и не потребовала объяснений. Сейчас ей было достаточно знать, что её вопросы не возникли из пу-

стоты.

Она провела тканью по оставшейся части альбома. Пыль собралась на краю салфетки, тёмный переплёт проступил целиком. На столе рядом лежал блокнот с тремя вопросами, каждый из которых можно было не задавать. Каждый из которых она всё-таки записала.

Утром она откроет альбом. Не потому, что будет готова узнать правду, а потому, что заметила собственное молчание и больше не хотела принимать его за отсутствие вопросов.

Снимок, которого вчера не было

Утром Лида проснулась раньше будильника. Несколько секунд лежала неподвижно, прислушиваясь к дому: холодильник гудел на кухне, где-то в трубах перекатывалась вода. Из коридора не доносилось ни шагов, ни голосов.

На столе в комнате ждал альбом. Тёмная обложка, чистая после вчерашней уборки, казалась почти чёрной. Лида поставила рядом чашку кофе, блокнот и телефон. Сначала она собиралась умыться, потом позавтракать, потом, возможно, открыть альбом. Теперь все эти «потом» вдруг показались способами отложить одно простое действие.

Она провела ладонью по обложке, раскрыла её и остановилась на первой странице.

Фотографии родителей Лида знала: отец в светлой рубашке, мать с длинными волосами и улыбкой, которую она почти не помнила вживую. Снимки стояли парами, наклонённые в одну сторону, словно их расставляли под руководством человека, не терпевшего небрежности. Дальше шли портреты матери: сначала школьница с большим бантом, потом девочка у яблони, потом ребёнок лет трёх, сидящий на коленях у бабушки.

Лида наклонилась ближе. Старые снимки были чуть выцветшими, бумага пожелтела по краям. В альбоме пахло пылью, сухим клеем и чем-то сладковатым, что напоминало ей

шкаф в доме бабушки.

Она листала медленно, приподнимая страницы за угол. Не искала ничего определённого. Ей хотелось лишь проверить, что было в альбоме, чего не было, где именно могла начинаться история, о которой отец и тётя Вера говорили шёпотом.

На третьем развороте она остановилась.

Сверху, в левом углу, была фотография родителей у моря. Мать щурилась от солнца, отец придерживал её за плечо. Ниже, справа, — знакомый портрет матери в детстве, с короткой чёлкой и серьёзным взглядом. Между ними, в двух пожелтевших бумажных уголках, лежала фотография младенца.

Лида не коснулась её.

Первой мыслью было: я не помню этот снимок. Второй: я вчера смотрела на этот разворот. Третьей: нет, не смотрела.

Она выпрямилась. Стул тихо скрипнул под ней. За окном проехал автобус, и в комнате на миг дрогнула полоска солнечного света.

Фотография была небольшой, почти квадратной. Края выцвели, на нижнем левом углу виднелась тонкая белая потертость. Бумага выглядела старой, как и остальные снимки, но поверхность в центре не была ни мутной, ни покрытой сеткой мелких трещин. Она ловила свет чистым блеском. Лида медленно наклонила голову, меняя угол обзора.

На снимке лежал младенец, укутанный в светлое одеяло.

Одну ладонь он прижимал к щеке, другая высунулась из-под ткани. Лицо было спокойным, чуть смазанным, будто ребёнок пошевелился в момент съёмки. Над ним проступал край белой подушки. Никакой больничной кроватки, никакого взрослого в кадре. Только малыш и кусок незнакомой светлой стены.

На секунду Лида почувствовала не страх, а нечто более тихое и странное: будто фотография была не забыта, а только что положена на страницу. В альбоме — старый запах, сухие хрупкие листы; на снимке — холодный отблеск поверхности, словно бумага ещё хранила свежесть фотолаборатории.

Она отодвинула руки от стола.

— Нет, — сказала она вслух.

Слово прозвучало слишком громко. Лида посмотрела на дверь, словно кто-то мог услышать и спросить, с кем она разговаривает.

Она знала этот разворот. По крайней мере, думала, что знала. Вчера вечером, прежде чем лечь спать, она открывала на телефоне папку со сканами семейных фотографий. Несколько лет назад она помогала тёте Вере оцифровать альбом: снимала страницы одну за другой, торопясь закончить до отъезда. На сохранённом изображении была эта же пара снимков — родители у моря и мать в детстве. Между ними не было младенца.

Лида потянулась за телефоном, но остановилась. Сердце билось быстрее, а в голове уже выстраивались объяснения,

одно за другим. Она могла перепутать страницы. Могла вчера смотреть не ту папку. Могла не заметить фотографию, потому что устала. Кто-то мог подложить её — отец, тётя Вера, даже мать, если хотела заставить её задавать вопросы.

А может, снимок лежал здесь всегда, и ошибалась только она.

Последняя мысль пришла с такой уверенностью, что Лида почти сразу ей поверила. Она часто так делала: если собственная память становилась неудобной, то первым делом объявляла ненадёжной память, а не обстоятельства. В этом была своя выгода. Если виновата она, никому не нужно задавать вопросов.

Лида открыла блокнот. На чистой странице написала дату и время. Потом медленно, стараясь не добавлять лишнего, записала:

«На третьем развороте альбома между фотографией родителей у моря и детским портретом матери лежит снимок младенца. Края у снимка выцвели. Поверхность в центре выглядит более гладкой, чем у соседних фотографий. Я не помню его на этом месте».

Она перечитала запись. В ней не было ни «невозможно», ни «кто-то подложил», ни «я схожу с ума». Только то, что она видела.

Лида сфотографировала разворот. Сначала общий план, затем крупно сам снимок, затем страницу под другим углом, чтобы было видно края и бумажные уголки. Она не стала

вытаскивать фотографию. Хотела сохранить её положение, прежде чем что-либо менять.

На телефоне появилась маленькая копия изображения: младенец, два знакомых снимка, тёмная рамка альбома. Лида приблизила фотографию пальцами. Качество было неидеальным, но лицо различалось. Она уменьшила снимок и открыла архив.

Папка называлась «Альбом*мама*». *Лида выбрала несколько файлов, пролистывая их быстрее, чем хотелось бы. Вот страница с родителями. Вот мать у яблони. Вот та самая пара: снимок с моря и детский портрет. В старом кадре бумажные уголки между фотографиями были пустыми.*

Она открыла файл ещё раз и увеличила середину. На экране тянулась полоса чистого картона. Никакого младенца.

Лида почувствовала, как у неё свело плечи. Это ещё ничего не доказывало. Скан был сделан давно, в другой день, при другом освещении. Альбом могли пересматривать, фотографии могли переставлять. Человек мог забыть, что сделал сам. Или не помнить, кто именно делал.

Она проверила дату файла. Сканирование произошло четыре года назад. Вчерашние снимки, которые она листала вечером, были сделаны на телефон, но не из альбома: это были пересланные тётей старые сканы. Она открыла переписку. Тётя прислала их две недели назад с короткой подписью: «Может, пригодится для истории». Вчера Лида снова смот-

рела эти изображения, потому что искала снимок бабушки. Разворот с родителями у моря задержал её: мать выглядела почти такой же, как на одной фотографии из детства Лиды.

Она помнила этот кадр. И помнила пустое место между фотографиями.

Но память не была вещественным доказательством. Лида впервые отчётливо увидела, как быстро ум превращает сомнение в приговор: либо альбом изменился сам, либо она выдумывает. Между этими двумя версиями оставалось слишком мало воздуха.

Она вернулась к блокноту и провела вертикальную черту.

Слева написала: «Что знаю». Справа: «Что предполагаю».

В первую колонку внесла: «Фотография лежит на странице. На ней изображён младенец. На старом скане этого разворота места между снимками пустые. Сегодня я сделала новые снимки страницы».

Во вторую: «Кто-то подложил фотографию. Я забыла её. Альбом меняется сам. Это фотография члена семьи».

Лида посмотрела на последнюю строку и зачеркнула её. Не потому, что она была неправильной, а потому, что пока не была фактом.

Это простое разделение немного замедлило мысли. Страх не исчез, но перестал звучать единственным голосом в комнате. Лида не обязана была немедленно выбрать версию. Ей не нужно было делать вид, что ничего не произошло, и не нужно было объявлять случившееся чудом. Пока достаточно

было выяснить, что именно она видела, какие свидетельства у неё есть и где начинается догадка.

Она проверила фотографию ещё раз. Снимок не был приклеен. Старые бумажные уголки удерживали его так же, как соседние фотографии. Под нижним краем виднелась тонкая линия картона. Пальцы Лиды дрогнули, когда она захотела приподнять его. Она остановилась. Не сейчас. Сначала — снимки, заметки, вопросы.

В коридоре послышался скрип половиц.

Лида прикрыла блокнот ладонью. Отец показался в дверях, уже одетый для выхода. Он посмотрел на открытый альбом, потом на неё.

— Ты рано встала.

— Не спалось.

Его взгляд задержался на развороте на долю секунды дольше, чем требовалось, чтобы понять, что она его рассматривает. Затем отец перевёл глаза на чашку.

— Кофе остыл.

Лида не спросила, узнаёт ли он фотографию. Не потому, что передумала, а потому, что хотела сначала разобраться в собственном вопросе. Слово «узнаёшь» предполагало, что снимок действительно принадлежит их семье. «Откуда он?» — уже звучало обвинением. Ей нужен был вопрос, который не подсказывал ответа.

— Пап, я нашла в альбоме фотографию младенца. Ты знаешь, кто это?

Отец не подошёл ближе. Он поправил рукав рубашки, хотя тот и так лежал ровно.

— Какую фотографию?

— Между вашим снимком у моря и маминым детским портретом.

— Там много фотографий.

— Именно между этими двумя. Снимок маленький, старый. Ребёнок в светлом одеяле.

На лице отца ничего не изменилось, но пальцы на манжете замерли.

— Мама лучше помнит, — сказал он.

— Она спит?

— Уже встала. На кухне.

Лида посмотрела на него. Он не сказал ни «не знаю», ни «покажи». Не спросил, почему она открыла альбом. Это само по себе могло ничего не значить. Но её ум уже потянулся собрать из паузы ответ. Лида заметила это движение и не стала помогать ему.

Отец взял со стола ключи.

— Завтракать будешь?

— Буду.

— Тогда неси альбом потом. Тётя Вера хотела посмотреть старые фотографии.

Он вышел, оставив дверь открытой. Лида снова посмотрела на страницу. Младенец лежал неподвижно, одна рука у лица. Лида не знала, что в этом изображении тревожило

её сильнее: незнакомый ребёнок или спокойствие, с которым он занимал место, будто всегда там и был.

На кухне уже сидела тётя Вера. Мать ставила на стол тарелку с хлебом, отец наливал чай. Сцена была такой обычной, что Лида почти усомнилась в собственном волнении. Белая скатерть, сливочное масло в стеклянной маслёнке, ложка, звякнувшая о край чашки. Семья за завтраком. Ничего, что не могло бы объясняться усталостью, забывчивостью или чужими руками.

Лида села напротив отца.

— Я открыла альбом, — сказала она.

Мать задержала руку над хлебницей. Тётя Вера посмотрела сначала на Лиду, потом на отца.

— И как? — спросила она.

— Нашла фотографию младенца. На развороте с папой и мамой в детстве.

Тётя Вера потянулась за чашкой.

— Там столько всего, — сказала она. — С годами всё перемешивается.

— Ты знаешь, кто на снимке?

— Надо посмотреть.

— Я уже смотрела. Ребёнок маленький, светлое одеяло, фотография лежит между двумя снимками.

Отец поставил чайник на подставку.

— Может, из другой коробки, — сказал он. — У нас в шкафу много старых фотографий.

— Она была в альбоме.

— Значит, кто-то положил.

Он сказал это быстро. Слишком быстро для человека, который только что уверял, что фотографий много и всё могло перемешаться.

Лида заметила, как тётя Вера разгладила салфетку на коленях. Мать молча разрезала хлеб пополам. Никто не смотрел на неё.

— Я вчера открывала сканы этого разворота, — сказала Лида. — На них фотографии нет.

— Старые сканы не всё показывают, — отозвалась мать. — Там свет был плохой.

— Места там не было, — ответила Лида.

Отец подвинул к ней тарелку.

— Съешь сначала. Ты с утра ничего не ела.

Это был не ответ, но и не прямой отказ. Лида почувствовала знакомое желание отступить, улыбнуться, сказать, что, наверное, сама напутала. Она даже набрала воздуха для этой фразы.

Потом положила ладонь на край стола. Не чтобы удержать спор, а чтобы заметить, что происходит с ней самой. Сердце всё ещё билось быстрее обычного. В горле стоял комок. В голове торопливо возникали объяснения, каждое обещало облегчение, если она выберет его немедленно.

Лида выдохнула.

— Хорошо. Я не прошу сейчас объяснять. Но хочу знать,

видели ли вы этот снимок раньше.

— Конечно видели, — сказала тётя Вера. — Мы же этот альбом тысячу раз открывали.

— Тогда кто на фотографии?

Тётя Вера подняла чашку и отпила, хотя чай был слишком горячим. Отец спросил мать, не закончился ли хлеб. Мать ответила, что в шкафу есть ещё. Через несколько секунд все трое говорили о хлебе, будто разговор о снимке уже закончился сам собой.

Лида не стала повторять вопрос. Она замечала, как быстро они сменили тему, и не превращала это наблюдение в доказательство заговора. Они избегали ответа. Это было фактом. Почему — пока оставалось неизвестным.

После завтрака она вернулась в комнату. Альбом лежал раскрытым на столе. Лида ещё раз сфотографировала разворот, записала время и оставила между страницами закладку, чтобы случайно не сместить снимок. Потом осторожно приподняла его за край.

На обороте проступал след чернил. Не буквы, а тонкие вдавленные линии, которые можно было почувствовать под подушечкой пальца. Лида не стала переворачивать фотографию. Сначала она убрала телефон, затем села и прислушалась к собственному желанию немедленно получить ответ.

Ответ мог подождать несколько минут. Факт от этого не исчезал. А если на обороте действительно было что-то написано, ей хотелось прочитать это не на бегу и не под диктовку

страха.

Она закрыла блокнот, оставив страницу с двумя колонками открытой.

На обороте — 2091 год

Свет за окном сдвинулся, и тень от оконной рамы пересекла блокнот. Лида посмотрела на раскрытую страницу, на две колонки, которые успела начертить утром, и поняла, что старого разделения уже недостаточно. Фактов было больше, чем она готова была признать, а предположения уже успели занять всё свободное место.

Она отодвинула чашку, чтобы не задеть альбом, и включила настольную лампу. Фотографию держала за края, как держат хрупкую вещь, которой не доверяют, но и не хотят навредить. Несколько секунд Лида просто смотрела на оборот. На первый взгляд там не было ничего, кроме потемневшей бумаги и слабых вдавленных линий.

Тогда она повернула снимок под лампой.

Свет скользнул по поверхности. Тонкие бороздки вспыхнули одна за другой. Сначала проступила двойка. За ней — круглый ноль, потом девятка, единица. Лида поднесла фотографию ближе, почти коснулась её носом.

Под цифрами проступили буквы.

«2091 год».

Она резко опустила снимок. Он легко стукнул о стол, и Лида замерла, будто этот звук мог что-то испортить. Сердце билось слишком быстро для четырёх цифр и одного слова. В соседней комнате тикали часы. За окном проехала машина.

Обычный мир не заметил, что только что изменился.

Она снова взяла фотографию и проверила надпись при другом угле. Цифры не исчезли. Чернила почти выцвели, но бумага хранила нажим: тот, кто писал, не просто оставил отметку, а уверенно провёл каждую линию.

Две тысячи девяносто первый год.

Не возраст снимка. Не дата рождения. Не подпись. Пока только слова на обороте фотографии, которая сама по себе выглядела старой и не имела ясного происхождения.

Лида положила снимок рядом с телефоном и сфотографировала сначала целиком, затем крупно, без вспышки. На экране цифры выглядели менее отчётливо, чем вживую. Она сделала ещё несколько кадров, меняя угол лампы, и записала время в блокнот. Это не успокоило её, но вернуло ощущение последовательности: снимок, надпись, фотография на телефон, время. Порядок действий. Не разгадка, но поручень.

Первой пришла мысль, от которой она и без того пыталась отгородиться: это предсказание.

Ребёнок на снимке ещё не родился. Год на обороте — далеко впереди. Эти две вещи срослись в голове так быстро, словно всегда ждали друг друга. Лида представила, как кто-то в семье заранее знал, что произойдёт. Или хотел, чтобы она так подумала. Или пытался оставить послание тому, кто однажды найдёт альбом.

Она остановила себя на слове «знал».

Кто именно? Что знал? И откуда она решила, что год от-

носится к ребёнку, а не к чему-то другому?

Лида перевернула страницу блокнота и провела три вертикальные линии. Над первым столбцом написала: «Что я знаю». Над вторым: «Что предполагаю». Над третьим: «Чего боюсь». Под заголовками оставила немного места и вынула из верхнего ящика тонкий карандаш.

В первый столбец она внесла: «На обороте фотографии есть надпись: “2091 год”». Потом добавила: «Линии вдавлены в бумагу. Чернила почти не видны». И ещё: «Фотография выглядит старой, но её происхождение не установлено».

Лида перечитала записи и заметила, как легко слово «выглядит» могло превратиться в «является». Она подчеркнула «выглядит».

Во второй столбец внесла версии. Надпись могла быть датой, относящейся к событию, о котором ей ничего не известно. Могла быть ошибкой или шуткой. Могла появиться позже, когда снимок уже попал в альбом. Могла относиться к истории, которую кто-то придумал или записал для будущего. Наконец, могла быть частью семейной тайны, не связанной с буквальным предсказанием.

Возле каждой версии она поставила оценку уверенности по пятибалльной шкале. Не чтобы вычислить истину, а чтобы видеть, где её убеждённость начинает бежать впереди фактов.

«Дата относится к неизвестному событию — 2 из 5».

«Надпись оставлена позже — 2 из 5».

«Шутка или выдумка — 1 из 5».

«Предсказание — 0 из 5 в качестве доказанного факта».

Она задержала карандаш над последней строкой, потом добавила на полях: «Эмоционально верится на 4 из 5. Доказательств — 0 из 5».

Это было неприятно точное различие. Лида почувствовала, как её плечи чуть опустились. Не потому, что тревога исчезла, а потому, что ей больше не требовалось притворяться, будто сильное впечатление и доказательство — одно и то же.

В третьем столбце она написала: «Боюсь, что семья знает о ребёнке больше, чем говорит». Ниже: «Боюсь, что год означает то, что нельзя изменить». Потом поставила точку и добавила: «Боюсь, что никогда не узнаю, почему они молчали».

Последняя строка оказалась самой тяжёлой. Она не относилась к цифрам напрямую. Зато относилась к тому, что происходило с самого начала: молчание семьи оставляло пустые места, а пустые места воображение заполняло самым страшным.

Лида отложила карандаш и посмотрела на альбом. Он был раскрыт на столе, будто тоже ждал, какое объяснение она выберет. Листать страницы быстро не хотелось. Она достала из шкафа коробку с семейными бумагами, которую привезла из материнского дома несколько лет назад. Коробка пахла пылью, сухой лавандой и картоном. На крышке рукой матери было написано: «Открытки, документы, разное».

Слово «разное» всегда казалось Лиде удобным способом ничего не решать.

Она расстелила на столе чистую ткань и выложила несколько открыток, свидетельство о браке бабушки и деда, старую записную книжку. Надписи на открытках были сделаны разными чернилами. Бабушкины буквы слегка наклонялись вправо, будто торопились навстречу адресату. В её цифре девять нижний хвостик загибался внутрь. На обороте снимка девятка была почти прямой, аккуратной и замкнутой.

Но Лида не стала делать вывод. Человек мог писать иначе в разные годы, другим пером, на другой поверхности. У бабушкиных открыток были даты, имена и пожелания. Ни один образец не повторял короткую фразу с фотографии.

Она нашла в коробке сложенный вчетверо листок с материнским почерком: список покупок, оставленный на кухонном столе. Буквы у матери были узкие, собранные, без лишних петель. В слове «год» буква «д» выходила ниже строки, а последний штрих резко поднимался вверх. На снимке «д» была написана иначе, но чернила и нажим могли скрыть привычное движение руки.

Лида выписала в блокнот: «Почерк не совпадает уверенно ни с открытками бабушки, ни с запиской матери. Недостаточно материала для сравнения».

Она перечеркнула слово «не совпадает» и заменила его на «не удаётся уверенно сопоставить». Первая формулировка

казалась окончательнее, чем позволяли образцы.

Дальше она провела пальцем над краем снимка, не касаясь поверхности. На бумаге не было штампа фотостудии, даты печати или подписи. В альбоме страницы перемежались снимками разных лет, но порядок мог быть нарушен. Возможно, фотографию вклеили позднее. Возможно, нет. Лида могла изучить альбом ещё час и всё равно не узнать, когда снимок оказался среди семейных фотографий.

Она закрыла коробку. В теле всё ещё сидело напряжение, но теперь оно было не бесформенным. Оно разделилось на вопросы.

Кто оставил надпись?

Когда?

К кому она обращена?

И почему мать с отцом не хотели говорить об альбоме?

Последний вопрос Лида пыталась отложить с утра. Теперь он вернулся сам. Цифры не ответили на него, но сделали семейное молчание заметнее. До этой минуты родители могли просто избегать неприятной темы. Теперь их осторожность казалась связанной с чем-то конкретным. Но «казалась» было не то же самое, что «была».

Лида взяла телефон и открыла контакт матери. Большой палец завис над кнопкой вызова. Она могла подождать, пока найдёт ещё документы. Могла набросать точные вопросы. Могла оставить всё до завтра. Однако желание немедленно получить ответ уже не казалось таким всесильным. Ей хоте-

лось не просто успокоиться. Она хотела услышать, что мать скажет, узнав о надписи.

Лида нажала на вызов.

Мать ответила после третьего гудка.

— Ты дома? — спросила она.

— Да. Сижу с альбомом.

На другом конце повисла короткая пауза.

— Опять?

— Я не делаю ничего с фотографиями. Только смотрю. Мам, на обороте одной есть надпись.

— Какая?

Лида посмотрела на цифры, проступавшие под косым светом.

— «2091 год».

Тишина стала длиннее. В ней не было ни помех, ни случайного шума. Лида услышала, как мать дышит, затем будто отодвигает телефон от лица и возвращает к уху.

— Ты уверена?

— Да. Я сфотографировала. Там цифры и слово «год». Чернила почти стёрлись, но следы видны.

— Убери альбом, Лида.

Она не ожидала, что мать произнесёт это так быстро. Ни удивления, ни вопроса о том, почему на фотографии такая дата. Только приказ, короткий и ровный.

— Почему?

— Просто убери его.

— Ты знаешь, кто написал?

— Не трогай больше этот альбом.

— Мам, я спрашиваю, кто написал.

— Я тебя услышала.

— А меня? Ты услышала мой вопрос?

На другом конце снова стало тихо. Лида прижала телефон крепче. В груди поднималась злость, но под ней была другая, знакомая с детства тяжесть: страх, что один неверный вопрос снова закроет дверь.

— Убери альбом, — повторила мать. — И больше его не трогай.

Вот теперь это прозвучало не как просьба и не как совет. Это был запрет.

Лида посмотрела на блокнот. Три столбца стояли рядом, не давая ей спутать услышанное с тем, что она уже успела вообразить.

Что я знаю: мать просит убрать альбом и не трогать его.

Что я предполагаю: ей известна причина.

Чего я боюсь: если я продолжу, потеряю её доверие. Или узнаю то, к чему не готова.

— Я услышала тебя, — сказала Лида. — Сегодня я уберу альбом. Но я пока не обещаю, что больше никогда к нему не вернусь.

Мать коротко выдохнула.

— Лида, не надо.

— Я не собираюсь ничего рвать или кому-то показывать.

Я хочу понять, что это за фотография.

— Пожалуйста.

Слово прозвучало тише приказа, но от этого не стало яснее. Лида ждала продолжения. Мать могла назвать имя, объяснить дату, хотя бы признаться, что не знает. Вместо этого она произнесла:

— Мне нужно идти.

— Мам.

— Потом поговорим.

Звонок оборвался.

Лида ещё несколько секунд держала телефон у уха. Потом опустила его на стол. В комнате было так же тихо, как до звонка, но тишина уже не казалась пустой. В ней появился голос матери, её паузы и просьба, которой она не дала объяснения.

Лида положила фотографию между листами чистой бумаги, не сгибая и не приклеивая её обратно. Альбом закрыла и убрала в коробку. Не потому, что решила подчиниться навсегда. Просто сегодня ей было достаточно того, что она уже узнала: надпись существует, её происхождение не установлено, а мать впервые прямо попросила прекратить поиски.

В блокноте она дописала под таблицей: «Не принимать судьбоносных решений на основании одной надписи». Потом добавила: «Не выдавать страх за интуицию. Не выдавать мамино молчание за ответ».

Она перечитала строки, закрыла блокнот и оставила фо-

тографию отдельно от альбома. На снимке был ребёнок. Год на обороте притягивал взгляд, но это не было единственной загадкой. Когда Лида снова посмотрела на изображение, её внимание впервые задержалось не на дате, а на лице.

Она не стала искать в нём объяснение. Пока — только заметила, что хочет рассмотреть его внимательнее.

Лицо ребёнка, которого ещё нет

Утром Лида придвинула фотографию к окну.

Она не собиралась снова рассматривать её. Просто хотела убрать со стола кружку, задетую локтем, и снимок оказался на пути. Но дневной свет лёг на бумагу иначе, чем лампа накануне. То, что вечером казалось серой тенью, стало тонкой складкой у щеки. Ребёнок на фотографии будто немного повернул голову, и Лида увидела его лицо целиком.

Он был совсем маленьким, но уже не новорождённым: мог сидеть, если его поддерживали, и, кажется, как раз упирался ладонью в чью-то руку за краем кадра. На нём была светлая рубашка с круглым воротником. Губы сложились в выражение, которое можно было принять и за улыбку, и за недовольную гримасу. На правой щеке темнела ямочка. Одна бровь поднималась чуть выше другой.

Лида поднесла фотографию ближе.

Ямочка появлялась у неё самой, когда она улыбалась по-настоящему. Не на каждой фотографии — для этого нужно было не позировать, а забыться. Брови у неё тоже были неровные: левая дугой, правая прямее, с едва заметным изломом у переносицы.

Она машинально коснулась своего лица.

Потом отложила снимок и пошла в ванную. В зеркале, при холодном утреннем свете, сходство стало почти вызыва-

ющим. Лида подняла бровь. Правая действительно взлетела первой. Уголок губ дрогнул, и на щеке проступила ямочка.

Она тут же перестала улыбаться.

— Это ничего не доказывает, — сказала она отражению.

Слова прозвучали разумно, но лицо в зеркале не стало спокойнее.

Сходство могло быть случайным. Или семейным: у людей одной семьи часто похожие брови, скулы, улыбки. Или ей хотелось найти знакомое, потому что снимок уже успел стать загадкой. Всё это Лида понимала. Она записала бы эти варианты в блокнот в графу «предположения» и рядом поставила бы напоминание не путать их с фактами.

Фактом было то, что ребёнок на старой фотографии напоминал её.

И год на обороте был 2091.

Лида вернулась к столу. Снимок лежал там, куда она его положила, но теперь казался не просто чужой фотографией. Она поймала себя на мысли, которую всю ночь отгоняла: а если это мой ребёнок?

Не её самой, не в прошлом. Её будущий ребёнок. Тот, кого ещё нет.

От этой мысли у неё сжались плечи. Не потому, что она вдруг почувствовала радость или ужас. Скорее потому, что вопрос, который долго лежал где-то на краю её жизни, оказался пододвинут к самому лицу.

Хочет ли она когда-нибудь стать матерью?

Лида знала, как отвечать на этот вопрос в компании. «Когда-нибудь посмотрим». «Сейчас не время». «Я ещё не решила». Все фразы были достаточно мягкими, чтобы никто не обиделся, и достаточно неопределёнными, чтобы разговор закончился. Но сейчас, наедине с фотографией, стало ясно: она так долго тренировалась произносить удобный ответ, что не помнила, задавала ли себе вопрос без посторонних свидетелей.

Память сама подставила голоса.

Тётя за праздничным столом: «Ну, ты же не собираешься всю жизнь для себя прожить?» Мама однажды, убирая чашки после ужина: «Я не тороплю, Лида. Просто дети — это такое счастье». Двоюродная сестра, уже с двумя малышами, смеясь: «Вот родишь — поймёшь». Даже добрые слова, сказанные без нажима, складывались в общий хор. В нём не было приказа. Но в нём почти не оставалось места для ответа, отличного от ожидаемого.

Лида вернулась к столу и раскрыла блокнот на чистой странице. Сначала написала дату, потом остановилась. Ей хотелось составить аккуратный список, который немедленно всё прояснит. Но это было бы слишком похоже на попытку вытянуть из себя решение силой.

Она провела посередине страницы вертикальную черту. Над левой колонкой написала: «Мой голос». Над правой: «Чужие ожидания».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.